

Н. Павлов

Маскарад

Русская светская повесть первой половины XIX века

М., "Советская Россия", 1990

[OCR Бычков М. Н.](#)

I

В первых числах прошлого января, в одном из старинных домов Москвы, в одиннадцать часов вечера, мужчина лет шестидесяти, невысокого роста, худощавый, стоял небрежно, прислонясь к мраморному подножию огромной порфировой вазы. Заботливая судьба очертила около него небольшой магический круг, мимо которого иные проходили с благоговейной робостью и куда никто не осмеливался вступать; но такая оборона от многолюдной толпы, всегда рассеянной, всегда невнимательной, не могла защитить от разных поклонов и приветствий: они тревожили беспрестанно это беспечное положение, этот отдых старика. Он иногда в ответ гостям только что улыбался, только что протягивал руку, а иногда и совсем отделял свое тело от мрамора. Впрочем, блестящая суматоха маскарада, великолепное разнообразие костюмов, женская красота -- ничто не отвлекало его внимания от одного предмета, от особенной забавы. Он не вслушивался в пискливые, искаженные голоса, не ловил этих дивных, заманчивых слов, брошенных на воздух, прошептанных на ухо, не разгаданных никем, но зароненных в чье-нибудь сердце. Он наслаждался по-своему. Я беру его теперь в любопытную минуту шумного вечера и, может быть, в самую счастливую минуту старости. Разжалованный временем из актеров в зрители, без участия в резвой деятельности бала, без сочувствия к мелочным восторгам, к мелочному отчаянью, к миллионам этих взглядов и надежд, которые сверкали перед ним в вальсе или разгорались в кадрилиях, он, верно, вспомнил бы невозвратимые годы, пожалел бы, что нет у него более сердца для всех впечатлений и головы для всякого замысла, если б не нашел тут пищи, необходимой для старческой жизни, утешения, единственного в некоторые лета; если бы не знал, куда поместить ему усмешку разочарования и язвительное слово опыта. Невольное равнодушие, благоприобретенную бесчувственность старик должен же употребить в дело, должен же при случае похвастать своим несчастным преимуществом; а потому как он рад, если может кольнуть вас за ошибку, подшутить над опрометчивостью, предсказать неудачу и глядеть на огненные заблуждения молодости. Кто ничего уже не ждет, тот любит доказывать себе, что всякое ожидание -- суета, вздор; и старик лелеял эту благосклонную мысль, когда тешился над едва притаенным нетерпением двадцатилетней вдовы, своей очаровательной племянницы. Она, драгоценный камень в роскошной оправе фантастического наряда, стояла по другую сторону вазы. Тут был центр бального мира, тут был вечерний гений, который метал в толпу цветы поэзии. Около нее теснились маски: то, как История, надоедали ей правдой, то, как Повесть, старались лгать обольстительно. Они сыпали свое беглое красноречие, силились перебить, затереть, перешуметь друг друга; но странно, никому не удавалось подстрекнуть искреннего любопытства молодой вдовы. Никто не отыскивал этого верного звука, который манит за собою воображение женщины, от которого непременно вострепнется она и вдруг увидит только вас, и пойдет, мечтая, за вашим привлекательным звуком, и бросит всех, и посреди непроходимого многолюдства уединится с вами: спрячется за колонной, присядет на незаметный стул, отдаст вам свой слух, свое зрение, свою душу и спросит: кто вы?.. и потеряется весело в лабиринте вашего маскарадного вымысла.

Правда, одна маска заставила ее оглянуться пристально. Эта маска была одета в широкое черное платье, вышитое золотыми блестками. Остроконечная шапка, обвитая знаками зодиака, в руке золотой пруттик, пояс, унизанный спереди бриллиантами, и сморщенные черты страшной старухи -- вот остальные подробности наряда. Впрочем, взгляд ее разногласил резко с поддельной наружностью, потому что мелькал молодо в прорезах накладного лица. Долго она стояла молча, неподвижно, но часто шевелился ее золотой пруттик, как будто он один принимал все впечатления, все, что переносили ей глаза и уши -- эти доносчики души. Она видела, она перечла, может быть, сколько живописных щеголей поглядывало на юную вдову издали, в промежутках голов, с ясным желанием достигнуть поближе; но изнеженные шаги, вежливые сердца не годились, чтоб сражаться против толпы. Она видела, как иной офицер, полный силы и забвения, врезывался в эти ряды неприятелей, падал с неба в середину тесного круга и, звонко